

О.Мандельштам

КАМЕНЬ

Осип Эмильевич Мандельштам

Камень (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9543521
Камень (сборник) / О.Мандельштам: Фолио; Харьков; 2003
ISBN 966-03-3483-4*

Аннотация

О.Э.Мандельштам (1891—1938) – великий русский поэт. Его стихи были впервые опубликованы, когда ему было всего девятнадцать лет, а в сорок семь он погиб в пересыльном лагере по дороге на Колыму. Через двадцать лет официального забвения началось постепенное возвращение поэзии Мандельштама читателям. В настоящее издание входят стихотворения из циклов «Камень», «Tristia» и другие. В издании сохранена орфография и пунктуация автора.

Содержание

Стихотворения	7
Камень	8
«Звук осторожный и глухой...»	8
«Сусальным золотом горят...»	8
«Только детские книги читать...»	9
«Есть целомудренные чары...»	11
«Дано мне тело – что мне делать с ним...»	12
«Невыразимая печаль...»	12
«На перламутровый челнок...»	13
«Ни о чем не нужно говорить...»	14
«Когда удар с ударами встречается...»	14
«Медлительнее снежный улей...»	15
Silentium[1]	16
«Как тень внезапных облаков...»	17
«Из омуты злого и вязкого...»	18
«В огромном омуте прозрачно и темно...»	19
«Как кони медленно ступают...»	19
«Скудный луч, холодной мерою...»	20
«Воздух пасмурный влажен и гулок...»	21
«Сегодня дурной день...»	22
«Смутно-дышащими листьями...»	23
«Отчего душа так певуча...»	23
Раковина	24

«О небо, небо, ты мне будешь сниться!...»	25
«Я вздрагиваю от холода...»	25
«Я ненавижу свет...»	26
«Образ твой, мучительный и зыбкий...»	27
«Нет, не луна, а светлый циферблат...»	28
Пешеход	28
Казино	29
Золотой	30
Лютеранин	31
Айя-София	32
Notre Dame	35
Старик	36
Петербургские строфы	37
«Здесь я стою – я не могу иначе...»	38
«...Дев полуночных отвага...»	39
Бах	40
«В спокойных пригородах снег...»	41
«Мы напряженного молчанья не выносим...»	41
Адмиралтейство	42
«В таверне воровская шайка...»	43
Кинематограф	44
Теннис	45
Американка	46
Домби и сын	47
«Отравлен хлеб и воздух выпит...»	48

«Летают Валькирии, поют смычки...»	49
1913 («Ни триумфа, ни войны!...»)	50
«...На луне не растет...»	51
<Ахматова>	51
«О временах простых и грубых...»	52
«На площадь выбежав, свободен...»	53
«Есть иволги в лесах, и гласных долгота...»	53
«”Морожено!” Солнце. Воздушный бисквит...»	54
«Есть ценностей незыблемая скала...»	55
«Природа – тот же Рим и отразилась в нем...»	56
«Пусть имена цветущих городов...»	56
«Я не слышал рассказов Оссиана...»	57
Европа	58
Посох	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Осип Мандельштам

Камень

Стихотворения
1928 г.

Камень

«Звук осторожный и глухой...»

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с дерева,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

1908

«Сусальным золотом горят...»

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

«Только детские книги читать...»

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю,
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду,
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое —
От неизбежного.

От неизбежного
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.

1909

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, —

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

«Есть целомудренные чары...»

Есть целомудренные чары —
Высокий лад, глубокий мир,
Далёко от эфирных лир
Мной установленные лары.

У тщательно обмытых ниш
В часы внимательных закатов
Я слушаю моих пенатов
Всегда восторженную тишь.

Какой игрушечный удел,
Какие робкие законы
Приказывает торс точеный
И холод этих хрупких тел!

Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой!
И, осторожною рукой,
Позволено их переставить.

«Дано мне тело – что мне делать с ним...»

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пуškai мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.

1909

«Невыразимая печаль...»

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой – сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

<1909>

«На перламутровый челнок...»

На перламутровый челнок
Натягивая шелка нити,
О, пальцы гибкие, начните
Очаровательный урок!

Приливы и отливы рук —
Однообразные движенья,
Ты заклинаешь, без сомненья,
Какой-то солнечный испуг, —

Когда широкая ладонь,
Как раковина, пламенея,
То гаснет, к теням тяготея,
То в розовый уйдет огонь!

<1911>

«Ни о чем не нужно говорить...»

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:

Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

1909

«Когда удар с ударами встречается...»

Когда удар с ударами встречается,
И надо мною роковой,

Неутомимый маятник качается
И хочет быть моей судьбой,

Торопится, и грубо остановится,
И упадет веретено;
И невозможно встретиться, условиться,
И уклониться не дано.

Узоры острые переплетаются,
И всё быстрее и быстрее
Отравленные дротики взвиваются
В руках отважных дикарей...

1910

«Медлительнее снежный улей...»

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы не тронута зимой;

И если в ледяных алмазах

Струится вечности мороз,
Здесь – трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых.

1910

Silentium¹

Она еще не родилась,
Она и музыка, и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди —
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень —
В мутно-лазорево́м сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!
Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись!
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

---

¹ Тишина (*лат. заглавие стихотворения Тютчева*).

1910

Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир болезненный и странный
Я принимаю, пустота!

1910

«Как тень внезапных облаков...»

Как тень внезапных облаков
Морская гостья налетела
И, проскользнув, прошелестела —
Смущенных мимо берегов.

Огромный парус строго реет;

Смертельно бледная волна
Отпрянула – и вновь она
Коснуться берега не смеет;

И лодка, волнами шурша,
Как листьями...

1910

«Из омута злого и вязкого...»

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

1910

«В огромном омуте прозрачно и темно...»

В огромном омуте прозрачно и темно,
И томное окно белеет;
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает, без усилий...

С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай,
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

1910

«Как кони медленно ступают...»

Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,

Куда везут они меня.

А я вверяюсь их заботе,
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте
Навстречу звездному лучу.

Горячей головы качанье
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще не виданные мной.

1911

«Скудный луч, холодной мерою...»

Скудный луч, холодной мерою,
Сеет свет в сыром лесу.
Я печаль, как птицу серую,
В сердце медленно несу.

Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола.

И стоит осиротелая
И немая вышина —

Как пустая башня белая,
Где туман и тишина.

Утро, нежностью бездонное, —
Полу-явь и полу-сон,
Забытье неутолненное —
Дум туманный перезвон...

1911

«Воздух пасмурный влажен и гулок...»

Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и не страшно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьется упрек:
Я участвую в сумрачной жизни
И невинен, что я одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы,
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отсветом странным —

Мировая туманная боль —
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь.

1911

«Сегодня дурной день...»

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень —
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь,
Бунтующих тайн медь!

О, маятник душ строг —
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам...

1911

«Смутно-дышащими листьями...»

Смутно-дышащими листьями
Черный ветер шелестит,
И трепещущая ласточка
В темном небе круг чертит.

Тихо спорят в сердце ласковом
Умирающем моем
Наступающие сумерки
С догорающим лучом.

И над лесом вечереющим
Встала медная луна;
Отчего так мало музыки
И такая тишина?

1911

«Отчего душа так певуча...»

Отчего душа так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм – только случай,

Неожиданный Аквилон?

Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою,
И совсем не вернется – или
Он вернется совсем другой...

О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет?

1911

Раковина

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И неговорчиво поешь;

Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;

И хрупкой раковины стены, —
Как нежилого сердца дом, —
Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

1911

«О небо, небо, ты мне будешь сниться!..»

О небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

1911

«Я вздрагиваю от холода...»

Я вздрагиваю от холода —
Мне хочется онеметь!
А в небе танцует золото —
Приказывает мне петь.

Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь
И, с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкий мяч!

Так вот она – настоящая
С таинственным миром связь!
Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась!

Что, если над модной лавкою,
Мерцающая всегда,
Мне в сердце длинной булавкою
Опустится вдруг звезда?

1912

«Я ненавижу свет...»

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред, —
Башни стрельчатой рост!

Кружевом, камень, будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будет и мой черед —
Чую размах крыла.
Так – но куда уйдет
Мысли живой стрела?

Или, свой путь и срок,
Я, исчерпав, вернусь:
Там – я любить не мог,
Здесь – я любить боюсь...

1912

«Образ твой, мучительный и зыбкий...»

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,

И пустая клетка позади...

1912

«Нет, не луна, а светлый циферблат...»

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь:
«Который час?», его спросили здесь —
А он ответил любопытным: «вечность».

1912

Пешеход

<М. Л. Лозинскому>

Я чувствую непобедимый страх
В присутствии таинственных высот.
Я ласточкой доволен в небесах,
И колокольни я люблю полет!

И, кажется, старинный пешеход,

Над пропастью, на гнущихся мостках,
Я слушаю, как снежный ком растет,
И вечность бьет на каменных часах.

Когда бы так! Но я не путник тот,
Мелькающий на выпцветших листьях,
И подлинно во мне печаль поет;

Действительно, лавина есть в горах!
И вся моя душа – в колоколах, —
Но музыка от бездны не спасет!

1912

Казино

Я не поклонник радости предвзятой,
Подчас природа – серое пятно, —
Мне, в опьянении легком, суждено
Изведать краски жизни небогатой.

Играет ветер тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, как полотно,
Душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно

И тонкий луч на скатерти измятой;

И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино, —
Люблю следить за чайкою крылатой!

1912

Золотой

Целый день сырой осенний воздух
Я вдыхал в смятеньи и тоске;
Я хочу поужинать, и звезды
Золотые в темном кошельке!

И, дрожа от желтого тумана,
Я спустился в маленький подвал;
Я нигде такого ресторана
И такого сброда не видал!

Мелкие чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавком щупает червонцы
Человек — и все они пьяны.

Будьте так любезны, разменяйте, —
Убедительно его прошу, —
Только мне бумажек не давайте —

Трехрублевок я не выношу!

Что мне делать с пьяною оравой?

Как попал сюда я, Боже мой?

Если я на то имею право —

Разменяйте мне мой золотой!

1912

Лютеранин

Я на прогулке похороны встретил

Близ протестантской кирки, в воскресенье,

Рассеянный прохожий, я заметил

Тех прихожан суровое волнение.

Чужая речь не достигала слуха,

И только упряжь тонкая сияла,

Да мостовая праздничная глухо

Ленивые подковы отражала.

А в эластичном сумраке кареты,

Куда печаль забилась, лицемерка,

Без слов, без слез, скупая на приветы,

Осенних роз мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной,

И шли пешком заплаканные дамы.

Румянец под вуалью, и упорно
Над ними кучер правил в даль, упрямый.

Кто б ни был ты, покойный лютеранин,
Тебя легко и просто хоронили.
Был взор слезой приличной затуманен,
И сдержанно колокола звонили.

И думал я: витийствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада
И в полдень матовый горим, как свечи.

1912

Айя-София

Айя-София – здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи подвешен к небесам.

И всем векам – пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,

Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон – света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

1912

Notre Dame

Где римский судия судил чужой народ,
Стоит базилика – и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.

Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом – дуб,
и всюду царь – отвес.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...

Старик

Уже светло, поет сирена
В седьмом часу утра.
Старик, похожий на Верлэна,
Теперь твоя пора!

В глазах лукавый или детский
Зеленый огонек;
На шею нацепил турецкий
Узорчатый платок.

Он богохульствует, бормочет
Несвязные слова;
Он исповедоваться хочет —
Но согрешить сперва.

Разочарованный рабочий
Иль огорченный мот —
А глаз, подбитый в недрах ночи,
Как радуга цветет.

Так соблюдая день субботний,
Плетется он – когда
Глядит из каждой подворотни
Веселая беда;

А дома – руганью крылатой,
От ярости бледна, —
Встречает пьяного Сократа
Суровая жена!

1913

Петербургские строфы

<Н. С. Гумилёву>

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна, – как броненосец в доке —
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства <крепкая> порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;

На площади Сената – вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

1913

«Здесь я стою – я не могу иначе...»

*«Hier stehe Ich – Ich kann
nicht anders...»*

«Здесь я стою – я не могу иначе...»
Не просветлеет темная гора —
И кряжистого Лютера незрячий
Витают дух над куполом Петра.

<1915>

«...Дев полуночных отвага...»

...Дев полуночных отвага
И безумных звезд разбег,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлег.

Кто, скажите, мне сознание
Виноградом замутит,
Если явь – Петра создание,
Медный всадник и гранит?

Слышу с крепости сигналы,
Замечаю, как тепло.
Выстрел пушечный в подвалы,
Вероятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы...

Бах

Здесь прихожане – дети праха —
И доски вместо образов,
Где мелом, Себастьяна Баха,
Лишь цифры значатся псалмов.

Разноголосица какая
В трактирах буйных и в церквах,
А ты ликуешь, как Исая,
О, рассудительнейший Бах!

Высокий спорщик, неужели,
Играя внукам свой хорал,
Опору духа в самом деле
Ты в доказательстве искал?

Что звук? Шестнадцатые доли,
Органа многосложный крик,
Лишь воркотня твоя, не боле,
О, несговорчивый старик!

И лютеранский проповедник
На черной кафедре своей
С твоими, гневный собеседник,
Мешает звук своих речей.

1913

«В спокойных пригородах снег...»

В спокойных пригородах снег
Сгребают дворники лопатами;
Я с мужиками бородатыми
Иду, прохожий человек.

Мелькают женщины в платках,
И твякают дворняжки шалые,
И самоваров розы алые
Горят в трактирах и домах.

1913

«Мы напряженного молчанья не выносим...»

Мы напряженного молчанья не выносим —
Несовершенство душ обидно, наконец!
И в замешательстве уж объявился чтец,
И радостно его приветствовали: «Просим!»

Я так и знал, кто здесь присутствовал незримо:
Кошмарный человек читает «Улялюм».

Значенье – суета, и слово – только шум,
Когда фонетика служанка серафима.

О доме Эшеров Эдгара пела арфа.
Безумный воду пил, очнулся и умолк...
Я был на улице. Свистел осенний шелк...

1913

Адмиралтейство

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Серdito лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря;

И вот разорваны трех измерений узы,
И открываются всемирные моря.

1913

«В таверне воровская шайка...»

В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка;
Монахи выпили вино.

На башне спорили химеры:
Которая из них урод?
А утром проповедник серый
В палатки призывал народ.

На рынке возятся собаки,
Менялы щелкает замок.
У вечности ворует всякий;
А вечность — как морской песок:

Он осыпается с телеги —
Не хватит на мешки рогож —
И, недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь!

1913

Кинематограф

Кинематограф. Три скамейки.
Сентиментальная горячка.
Аристократка и богачка
В сетях соперницы-злодейки.

Не удержать любви полета:
Она ни в чем не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.

А он скитается в пустыне —
Седого графа сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы-графини.

И в исступленьи, как гитана,
Она заламывает руки.
Разлука; бешеные звуки
Затравленного фортепьяно.

В груди доверчивой и слабой
Еще достаточно отваги
Похитить важные бумаги
Для неприятельского штаба.

И по каштановой аллее
Чудовищный мотор несется,
Стрекошет лента, сердце бьется
Тревожнее и веселее...

В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,
Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем.

Какая горькая нелепость:
Цель не оправдывает средства!
Ему – отцовское наследство,
А ей – пожизненная крепость!

1913

Теннис

Средь аляповатых дач,
Где шатается шарманка,
Сам собой летает мяч —
Как волшебная приманка.

Кто, смиливший грубый пыл,
Облеченный в снег альпийский,
С резвой девушкой вступил
В поединок олимпийский?

Слишком дряхлы струны лир:
Золотой ракеты струны
Укрепил и бросил в мир
Англичанин вечно юный!

Он творит игры обряд,
Так легко вооруженный,
Как аттический солдат,
В своего врага влюбленный!

Май. Грозových туч клочки.
Неживая зелень чахнет.
Всё моторы и гудки —
И сирень бензином пахнет.

Ключевую воду пьет
Из ковша спортсмэн веселый;
И опять война идет,
И мелькает локоть голый!

1913

Американка

Американка в двадцать лет
Должна добраться до Египта,
Забыв «Титаника» совет,

Что спит на дне, мрачнее крипта.

В Америке гудки поют,
И красных небоскребов трубы
Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.

И в Лувре океана дочь
Стоит, прекрасная, как тополь;
Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читает «Фауста» в вагоне
И сожалеет, отчего
Людовик больше не на троне.

1913

Домби и сын

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:

Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик Домби-сын;
Веселых клерков каламбуры
Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья;
На шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле —
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь...

1913

«Отравлен хлеб и воздух выпит...»

Отравлен хлеб и воздух выпит.

Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать!

Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.

Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан;
Кто выменял коня – событий
Рассеивается туман;

И, если подлинно поется
И полной грудью наконец,
Всё исчезает – остается
Пространство, звезды и певец!

1913

«Летают Валькирии, поют смычки...»

Летают Валькирии, поют смычки.
Громоздкая опера к концу идет.
С тяжелыми шубами гайдуки
На мраморных лестницах ждут господ.

Уж занавес наглухо упасть готов;
Еще рукоплещет в райке глупец.
Извозчики пляшут вокруг костров.
Карету такого-то! Разъезд. Конец.

1913

1913 («Ни триумфа, ни войны!...»)

Ни триумфа, ни войны!
О, железные, доколе
Безопасный Капитолий
Мы хранить осуждены?

Или римские перуны —
Гнев народа – обманув,
Отдыхает острый клюв
Той ораторской трибуны;

Или возит кирпичи
Солнца дряхлая повозка,
И в руках у недоноска
Рима ржавые ключи?

<1914>

«...На луне не растет...»

...На луне не растет
Ни одной былинки;
На луне весь народ
Делает корзинки —
Из соломы плетет
Легкие корзинки.

На луне – полутьма
И дома опрятней;
На луне не дома —
Просто голубятни;
Голубые дома —
Чудо-голубятни...

1914

<Ахматова>

Вполоборота, о, печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложно-классическая шаль.

Зловещий голос – горький хмель —
Души расковывает недра:
Так – негодующая Федра —
Стояла некогда Рашель.

1914

«О временах простых и грубых...»

О временах простых и грубых
Копыта конские твердят.
И дворники в тяжелых шубах
На деревянных лавках спят.

На стук в железные ворота
Привратник, царственно ленив,
Встал, и звериная зевота
Напомнила твой образ, скиф! —

Когда с дряхлеющей любовью,
Мешая в песнях Рим и снег,
Овидий пел арбу воловью
В походе варварских телег.

1914

«На площадь выбежав, свободен...»

На площадь выбежав, свободен
Стал колоннады полукруг —
И распластался храм Господень,
Как легкий крестовик-паук.

А зодчий не был итальянец,
Но русский в Риме: ну, так что ж?
Ты каждый раз, как иностранец,
Сквозь рощу портика идешь;

И храма маленькое тело
Одушевленное стократ
Гиганта, что скалою целой
К земле беспомощно прижат!

1914

«Есть иволги в лесах, и гласных долгота...»

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита

В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурою зияет этот день:

Уже с утра покой и трудные длинноты;

Волею на пастбище, и золотая лень

Из тростника извлечь богатство целой ноты.

1914

«”Мороженно!” Солнце. Воздушный бисквит...»

«Мороженно!» Солнце. Воздушный бисквит.

Прозрачный стакан с ледяною водою.

И в мир шоколада с румяной зарею,

В молочные Альпы, мечтанье летит.

Но ложечкой звякнув, умильно глядеть —

И в тесной беседке средь пыльных акаций

Принять благосклонно от булочных граций

В затейливой чашечке хрупкую снедь...

Подруга шарманки, появится вдруг

Бродячего ледника пестрая крышка —

И с жадным вниманием смотрит мальчишка

В чудесного холода полный сундук.

И боги не ведают — что он возьмет:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой?
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лед.

1914

«Есть ценностей незыблемая скала...»

Есть ценностей незыблемая скала
Над скучными ошибками веков.
Неправильно наложена опала
На автора возвышенных стихов.

И вслед за тем, как жалкий Сумароков
Пролепетал заученную роль,
Как царский посох в скинии пророков,
У нас цвела торжественная боль.

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?
И для меня явление Озерова —
Последний луч трагической зари.

1914

«Природа – тот же Рим и отразилась в нем...»

Природа – тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи.

Природа – тот же Рим, и, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить —
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!

1914

«Пусть имена цветущих городов...»

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,

Как жалкий сор, дома и алтари!

1914

«Я не слыхал рассказов Оссиана...»

Я не слыхал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

1914

Европа

Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк;
К широкой Азии, к Америке при<ник>,
Слабеет океан, Европу омывая.

Изрезаны ее живые берега,
И полуостровов воздушны изваянья;
Немного женственны заливы очертанья:
Бискайи, Генуи ленивая дуга...

Завоевателей исконная земля,
Европа в рубище Священного союза;
Пята Испании, Италии медуза,
И Польша нежная, где нету короля;

Европа цезарей! С тех пор как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!

Посох

Посох мой – моя свобода —
Сердцевина бытия,
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?

Я земле не поклонился,
Прежде чем себя нашел;
Посох взял, развеселился
И в далекий Рим пошел.

А снега на черных пашнях
Не растают никогда,
И печаль моих домашних
Мне по-прежнему чужда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.